

*Как мне страшны цветов иссыхание,
корчи и хрип,
пламя судорог и опаданье
лепестков, шевелящихся в желтых
морщинах страданья...
Словно черви летают они над садами!*
Виктор Кривулин

[сад у барakov]

В элегии пребывает посыпка стаявшей
скверны.
Линчуеть в блокноте голос ночной,
хрип дроби, согласно законам,
эллипсис дроби:
в тяжком похмелье срезает верхушки гроза,
цементируешь корни, чтобы вырастить сад,
украшение

(укрощение арматуры)

сложилась на сено,
какое бывало (*влажное*),
лебедя тонкая шея, смотана набок.

[вера]

и верить,
как нити шпагатные разделяя
отторжение
(хрипов и плачей ребёнка — **ВОЗЬМИ
И ОТДАЙ!**)
и ожидание:
эти два пальца (**НЕЩАДНО**) узнали мягкую
плоть, строгую сукровицу
под шорох объятий в техническом здании,
в техническом обрамлении полушария,

(но не Шара как Сущности,
«в виде шара, чуть большего,
чем тот, каким предстает Солнце»).

Смущенное, подвальное дребезжание
жидкости,
объятия — легкости форм
(платя ткани в набухающей кротости) (0)

(0) Но надёжность, надежда —
не скопление абсцессов в теле одном
и не склонение тела другого.

(1) И радея за ткань,
красную, пыльную, что скрывает
изъяны,
приглядишься к пигментации флага-
парсуны

/ПОДНИМАЕТСЯ В ВОЗДУХ/

бедная пряжа кислых бараков,
саван, распоротый лоскутами.

(2) Барак.
Деревянное здание лёгкой постройки
(слова-перебежчики,
слог воспаленный,
горький,
отхаркивающий).

(3) В этих домах, как в зверинцах,
пища — консервная миска.
Не кормят с руки.

(4) Девочка
(лет 13,
нет, 15-16,
путает ТЕЛО её)
убивает сожителя, в два раза старше
(несколько ходок),
убивает соседа или отца.

В школе бесплатный обед.

К ней прибилась сестра, двоюродная.
Как собака — не умеет писать.
Другая умеет писать — вести с полей,
тюремных тетрадей.

Уроки шитья и утайки,
письма-благоговения, тайные.
Внутренний жар, любовь и улада.

(5) Множитель-жалю.
Наивный и острый на нюх
(на мешковину и псину,
сожительство шерсти с блохой).
Подкравшись по втянутой в грунт
колее,
бьют тяжёлым предметом,
не высчитав силы, не соизмерив
количество денег, припасов.

(6) И так же с беспечностью ТЕЛО,
как камень — Адамов кадык —
в щемящее ящика
помещают.

(7) Чтобы острое воображение
(ТЫСЯЧЕУГОЛЬНИК)
зашпаклевывало пробелы памяти —
необходимо обкрадывать — лучше
летами,
как только зовутся, изредка
отзываются,
пропущенные, стравленные соитьем.

/НАЩУПЫВАТЬ В ТЕМНОТЕ ТЕЛО. РВАТЬ!

.....
КАК БЕЗГОЛОВУЮ ТУШКУ ПТИЦЫ,
КИШАЩУЮ ПАРАЗИТАМИ /

[чертополох]

На серединах дорог сомкнуты зубы
[брусчатых дорог помню неровное ТЕЛО,
рассыпка,
ведущий к больнице — сонный бетон,
растущёванный щебенный слой попирает
подшвы и прочее,
пыль родовую разносит на 360,
чёрные волдыри на циркульном пастбище,
360].

«Резал, чернил, всю ночь чертил чертежи —
курс черчения пригодился —
чертополох: синие выводы под глазами —

начальник, не сытый, и в оправдание —
отсутствие курса гранить каждый взгляд:
*у нас положение, чрезвычайное,
всюду бурки, арест и хлеб оловянный».*

/ДАЙ БОГ СОГРЕТЬСЯ, ВЫГРЕСТИ ХЛЕБ
ИЗ ЗОЛЫ/

ЧТОБЫ СОГРЕТЬСЯ ОТ ЛЮТОЙ ЗИМЫ,

/нащупывать в темноте *ТЕЛО* (соседство),
со страхом сращаясь, смыкаясь, от голода
к средству
просунув конечность в конечность,
прибавив суставы к суставам,
немощным спазмом,
спасаться устами, устами —
и сводка-разводка —
безумянство устава /

И, стало быть, верить,
как медные нити смыкая,
в объятия-однодневки, врастают врасплох,
щемящие утолщения форм,
(платя ткани в набухающей кротости (0)).

(0) Кротость лица.
Подпирающее лицо в образности,
мерцающее вожделение,
обремененное тихим голосом,
согревает скрытый костяк,
украшение-арматуру.

Пример же: лохмотья вьюна,
в усыпальницах капители,
камень и тёплые кости.

(1) Но и надежда-отказ
не скопление абсцессов в теле одном
и не склонение тела другого.

(2) Но внутренний жар, любовь и услада.

(3) На спице-каркасе растерзан, нанизан
взгляд-голод.

(4) Вьющийся рот-ПАССИФЛОРА.

Вьющийся рот-АКСИОМА,
где знакомы неровности каждого зуба,
плакальщица — умолкнет там,
где уплаченная, уплотнённая
изучением языков речь,
впитывает итальянский,
опутывающий, сияющий, как Туринская
плащаница или —
Римская мешковина, — о мирские отроги,
с прекрасными спящими —
вездесущие нищие беженцы
(облепляют друг друга)
на мстительной скатерти неба,
затягивая комковитый клейстер

(прилипшие лепестки,
цветочный жир белый,
охлаждаемый макияж вечера).
И звон колокольный, тяжелый
насмешник-вельможа,
теряется в звоне монет, падающих
в фонтаны,
реки подати, протоки лимфы.

Lingua-лимб — теряешься в вере, если это
возможно.

Возмутительные нечистоты граффити, язык
трещин,
*«ВЫШЛИ ПЕРСТЫ РУКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
И ПИСАЛИ»* — общее место,
развернутое из скупого странствия:
признания, упаковки, списки, квитанции.

Слепок с открытки — Фра Анджелико
Беато —
судный, клокочущий кожух брани и литий
мерцание,

отгул застольных бесед,
праведники — на одной половине,
грешники в обреченной утробе — напротив.

Сквозь прутья
«ЗАБЫЛИ, ИЗБИЛИ, ОСТАВИЛИ»
в этом заблудшем саду,
где клетки со сгнившими птицами,
растёт алкалиновый виноград и тянутся
руки,

пальцы-былинки, непрочные длани
в длань непорочную:

«О Всемогущий,
сочную рану, как улей, просей,
в огненной проруби
каждую рану, открытую рану,
пластичною сетью цветов обойми».